

было считаться. Кроме винтовок, я заодно упражнялся также в стрельбе из штуцера Ланкастера, некогда принадлежавшего Н. М. Пржевальскому, и получал прекрасные результаты. Наша стрельба привлекала любопытство местной публики, состоящей из монголов и китайцев, и часто вызывала с их стороны громкое восхищение по поводу отличных попаданий в цель.

По уходе моих спутников, я обыкновенно еще долго оставался на вершине холма, господствовавшего над Дын-юань-ином. Теперь было самое лучшее время—солнце скрывалось за горизонт, небо наряжалось в блестящие тона и чувствовалась еще большая прохлада воздуха... Отсюда пустыня была видна на далекое расстояние, словно в морском просторе, тогда как ближайший ее край кругом обступал оазис. Со стороны города не долетало ни одного живого звука, не показывалось ни одного живого силуэта: селяки возвратились с полей и скрылись за свои непроницаемые стены.

Тем временем заря картинно разлилась над пустыней и еще картиннее отразилась на вершинах Алашаньского хребта. Над ущельями попрежнему сгустилась синяя дымка, медленно выползавшая на крутые скаты... Еще каких-нибудь полчаса и летняя ночь спустилась на землю...

